

ПИСЬМО к А. П. ЛАДИНСКОМУ

1945

Публикация Т. А. Ладинской

Villa Jeannette, Grasse, A. M.
8.2.1945

Дорогой Антонин Петрович,

Пожалуйста, извините за столь поздний ответ: очень нездоровится и слабость, безволие, а потом такой холод в доме, что иногда часами си-дишь в оцепенении, все не решаясь вынуть искалеченные руки из рукавов.

Получил номер вашей газеты, взял предыдущие номера у Зурова — и еще более убедился, что газета — яркополитическая, а я уже давно потерял всякую охоту к какой бы то ни было политике; горячо радуюсь победам России и союзников, но ведь это не политика. Посему, при всей моей нелюбви отказывать людям и особенно друзьям, приятелям, никак не могу — по крайней мере в данное время — участвовать даже в литературном отделе «Русского патриота». Вы говорите: «Поддержите нас». Но ведь это есть поддержка газеты, органа политически боевого, участие в известной политической деятельности. Не сетуйте, дорогой мой, на меня, я очень люблю вас и как поэта, и как прозаика (с великим удовольствием читал, между прочим, про Анну Ярославовну), люблю и как человека, рад был бы сделать вам угодное, но эту вашу просьбу вынужден отклонить (сердечно благодаря, конечно, вас за внимание).

Пишу про мой отказ и Владимиру Львовичу¹ — он тоже писал мне, прося участвовать в «Русском патриоте».

Всего доброго! В. Н. благодарит вас за память и шлет вам свой поклон.

Ваш Ив. Б у н и н

Р. S. Может быть, «Союз писателей» все-таки вступится за писателя Бунина заметкой в «Русском патриоте» на счет поведения Графов с этим писателем? ²

Ив. Б.

ЦГАЛИ, ф. 2254, ед. хр. 56, л. 5—5 об.

Антонин Петрович *Ладинский* (1896—1961) — писатель, много лет провел в эмиграции. В 1930-х годах выпустил несколько стихотворных сборников, сотрудничал в газете «Последние новости». В годы второй мировой войны примкнул к тем русским эмигрантам, которые приняли советскую ориентацию, участвовал в созданной после освобождения Парижа от фашистской оккупации газете «Русский патриот» (позднее переименованной в «Русские новости»); с 1946 г. гражданин Советского Союза. Вернувшись в 1955 г. на родину, поселился в Москве. Автор нескольких исторических романов, написанных частью в эмиграции, а частью уже в СССР («Когда пал Херсонес», «Анна Ярославна — королева Франции», «Последний путь Владимира Мономаха» и др.). В 1956 г. закончил работу над «Парижскими воспоминаниями», в которых рассказал о Бунине, Бальмонте, Тэффи, Сапе Черном и других писателях-эмигрантах.

Бунин ценил Ладинского как писателя, охотно встречался и беседовал с ним. Как видно из публикуемого письма, добрые отношения между ними сохранились и в 1945 г., несмотря на то, что пути обоих писателей к этому времени уже окончательно разошлись. О разных позициях, занятых ими, говорит и отказ Бунина от сотрудничества в «Русском патриоте». Но для бунинских настроений этих лет характерна мягкая, деликатная форма, в которую он облек свой отказ.

Кроме публикуемого письма Бунина к Ладинскому, сохранились еще две его открытки (1932 и 1940 гг.) и одна записка 1948 г., — по содержанию все они незначи- тельны.

¹ Владимир Львович Пиотровский, писатель, член Союза русских патриотов.

² Графы — семья, занимавшая в годы оккупации парижскую квартиру Буниных, что задерживало возвращение их в Париж. Как явствует из письма к Бунину Я. Б. Подлонского, в начале марта 1945 г. квартира была освобождена — при деятельном содействии «Русского патриота» (см. сообщение А. Н. Дубовикова — настоящ. том, кн. 2).

Приводим отрывок из «Парижских воспоминаний» Ладинского — он связан по своему содержанию с публикуемым письмом и дополняет несколькими интересными штрихами наше представление о позициях Бунина в 1945—1946 гг.

«Грудно сказать, что он думал в глубине своей души о России, о революции. Человек он был довольно сложный, несмотря на наружную и как бы нарочитую простоту. Уже в молодости его одолевали противоречия. В своем путевом очерке „Тень птицы“ он писал тогда: „Я хорошо знаю, что можно любить тот или иной уклад жизни, что можно отдать свои силы на созидание его... Но при чем здесь родина? Если русская революция волнует меня все-таки более, чем персидская, я могу только сожалеть об этом. И воистину благословенно каждое мгновение, когда мы чувствуем себя гражданами вселенной“¹.

Это своего рода молодой и благородный космополитизм. Но именно молодой. Когда человека потреплют жизненные бури, ему приятно вспомнить, что есть свой дом, родина, могилы отцов. Бунин не мог не вспомнить об этом на чужбине <...>

В какой-то степени эта двойственность оставалась у него до конца жизни. Он с интересом расспрашивал советских людей, которые стали приезжать во Францию после войны, о том, что делается на родине, но в этих расспросах не чувствовалось сыновней любви. Он как бы „обиделся“ на что-то, хотя неизвестно на что. Классовое самосознание, дворянская усадьба и прочее? Возможно. Хотя фактически Бунин уже был разночинцем, и никаких усадеб у него не было. Может быть, тут и другое — неумение и страх перейти через черту, за которой уже начинается новый мир.

Однако он, по-видимому, не представлял себе жизнь вне русской стихии. Бунин не делал особых усилий, чтобы войти во французскую среду, и так и не прижился к чужой жизни, несмотря на всю любовь к уютному Парижу или к милым пейзажам Прованса. Сквозь всякие житейские препятствия он понимал, что совершил ошибку, и только его заносчивый характер мешал ему признаться в этом.

Он не любил разговоров на тему о возвращении на родину, отговаривался своей старостью. Мол, „мне уже помирать пора, ну куда я поеду на старости лет, привыкать к новой жизни“, но неоднократно высказывал неудовлетворенность эмигрантской жизнью.

Однажды был с Буниным особенно длинный разговор на эту тему. Ничего особенного в этих высказываниях не было, не все запомнилось, но хорошо припоминается общее буниновское настроение, обстановка. Бунин <...> очень мило себя держал. В тот вечер он назначил мне свидание в одном кафе на Монпарнасе, где так любил бывать Маяковский.

Это было угловое кафе „Дом“, где не в пример другим монпарнасским кафе с их модернизированными залами, огромными зеркальными окнами и обилием электрического света сохранилась в те годы старая парижская обстановка: молескиновые диванчики вдоль стен, не очень опрятные передники гарсонов, старомодные мраморные столы, цинковая стойка.

Как обычно по вечерам, в кафе уже стояли облака табачного дыма. За столиками сидели завсегда: художники в клетчатых куртках, незадачливые литераторы с комматными прическами, непризнанные гении. Многие из них проводили за чашкой кофе одинокий вечер, потому что дома было нетоплено. Они пощихивали трубками, говорили о Матиссе или о Браке. У стойки шумели подвыпившие матросы с красными помпонами на синих шапках.

Мы уселись с Буниным за свободный столик и заказали по рюмке „мара“. Есть такая французская крестьянская водка. Помню, Бунин понюхал рюмку и сказал: — Хороший мар, новыми сапогами пахнет!

Это было вполне буниновское определение. Действительно, как и сливовица, мар припахивает немного кожей.

Встреча эта происходила в те дни, когда в Париже издавалась газета „Русский патриот“, около которой группировалось несколько писателей. Хотелось привлечь к газете и Бунина, так как всем были известны его антигитлеровские и патриотические высказывания. Но Бунину почему-то казалось, что ему надлежит стоять „выше политики“. Впрочем, он посетил посла и имел с ним дружескую беседу» (ЦГАЛИ, ф. 2254, ед. хр. 33).

¹ Собр. соч. 1965—1967, т. 3, стр. 428.